

ПАНФИЛОВ В. С.

ВЬЕТНАМСКАЯ МОРФЕМИКА

I. Морфемика vs грамматическая теория слова¹

Морфемика — это раздел грамматической теории, задача которого состоит в определении морфемы, разработке приемов морфемного анализа и установлении инвентаря морфем исследуемого языка.

Морфема есть минимальная единица языка, наделенная значением. С позиций собственно морфемистики тождество морфемы является тождеством и формальным, и семантическим. Чисто формальное тождество не дает оснований для морфемного анализа: слово *апостол* не имеет смысловой общности со словом *стол*, а последнее — со словом *сто*, которое, в свою очередь, не дает семантических оснований для выделения морфем *с*, *то*, *о*. Не дает оснований для морфемного анализа и близость чисто семантическая: *врач* — *лечить*; *топор* — *рубить*.

Морфемам как единицам, обладающим двусторонней (формально-семантической) выделяемостью, противостоят единицы, выделяемые только формально (субморфы), и единицы, выделяемые только семантически (семантемы). Единицы с односторонней выделяемостью — это побочный результат морфемного анализа, своего рода морфемный шлак.

Примером субморфа может служить слог *tu'o'c⁶* во вьетнамском слове *vu'o'n² tu'o'c⁶* «сады»: формально он легко выделим достаточно, поскольку *vu'o'n²* «сад» есть свободная морфема. Вместе с тем *tu'o'c⁶* встречается только в составе слова *vu'o'n² tu'o'c⁶* «сады», и эта уникальная сочетаемость не позволяет дать рассматриваемому сегменту убедительную семантическую характеристику (подробнее см. ниже).

К числу семантем относятся прежде всего те нерегулярные значения, которые сопутствуют соединению морфем при образовании слова. Например, вьетнамские синонимы *công⁶ tac⁵* «сотрудничать» («совместно» + «работать») и *hợp⁶ tac⁵* «сотрудничать» («соединяться» + «работать») различаются тем, что в первом случае имеется в виду ведущая роль одной из сторон, тогда как во втором случае подразумевается равноправие сотрудничающих [1]. Эти компоненты смысла не находят никакого внешнего выражения.

Единицы морфемистики — морфемы как таковые, конечный результат сегментации текста, проводимой с опорой на смысл. Обращение непосредственно к тексту означает, что морфема определяется безотносительно к понятию слова. Таким образом, ни структура слова, ни словообразовательная модель при морфемном анализе не учитывается, так что выделение морфем именно в составе слова должно рассматриваться как более или менее условное упрощение процедуры анализа.

Главное в морфемном анализе — можно ли приписать выделенному отрезку некоторое значение, причем следует иметь в виду так называемый ассоциативный характер значения морфемы. Если, к примеру, установлена морфема *học⁶* «учиться», то в дальнейшем она выделяется автоматически во всех отрезках, значение которых может так или иначе ассоциироваться с учебой, образованием, знаниями: *học⁶ sinh¹* «ученик», *học⁶ bổng⁴* «стипендия», *vật⁶ lý⁵ học⁶* «физика» и т. д. Омонимия, если пользоваться

¹ В статье принята следующая нумерация вьетнамских тонов: 1 — верхний ровный; 2 — верхний нисходящий (↘); 3 — нисходяще-восходящий прерывистый (∼); 4 — вопросительный (?); 5 — восходящий напряженный (↗); 6 — тяжелый (·).

этим термином применительно к морфемике, есть наличие различных значений в одном означающем, например: *năm*¹ 1) «пять»; 2) «год».

В морфемике можно оценивать морфемы по отношению к единице более высокого уровня — слову, подразделяя их на свободные и связанные. Свободная морфема может исчерпывать собой слово, связанная может быть только частью слова. Само же слово в грамматическом понимании есть значимая сущность более высокого по сравнению с морфемой порядка, результат определенной аранжировки морфем. Оно составляет предмет исследования грамматической теории слова, в задачу которой входит выявление структуры слова и оценка его составляющих под функциональным углом зрения, т. е. по их роли в организации слова.

Функциональные единицы, устанавливаемые в грамматической теории слова, — корень, словоизменительные и словообразовательные форманты. Хотя эти термины и представляются более предпочтительными для обозначения функциональных единиц, тем не менее приходится считаться с устоявшейся традицией корневыми и некорневыми морфемами — терминами, которые своей внутренней формой наталкивают на понимание соответствующих реалий как принадлежащих скорее собственно морфемике; во всяком случае, создается впечатление, что быть корневой или некорневой есть постоянный признак морфемы. Между тем функциональные единицы, которыми оперирует грамматическая теория слова, в какой-то мере аналогичны функциональным единицам синтаксиса: подобно тому, как одно и то же слово может выступать в различных синтаксических функциях, одна и та же морфема может иметь различный функциональный статус в составе слова. Именно этот различный функциональный статус одной и той же морфемы можно было бы, если в этом есть необходимость, обозначить термином «функциональная омонимия» при его корректном употреблении в грамматической теории слова. Например, морфема *hoc*⁶ «учиться, учение, знание, наука...» является корневой в слове *hoc*⁶ *sinh*¹ «ученик» и словообразовательной в словах *xa*³ *hôi*⁶ *hoc*⁶ «социология» (*xa*³ *hôi*⁶ «общество»), *điều*² *khiên*⁴ *hoc*⁶ «кибернетика» (*điều*² *khiên*⁴ «управлять»), *nhân*¹ *chung*⁴ *hoc*⁶ «этнография» (*nhân*¹ *chung*⁴ «раса»).

Продолжая аналогию с частями речи и их синтаксическими функциями, можно подразделить морфемы на знаменательные и служебные по их внутрисловным функциям. Для знаменательных морфем наиболее типична функция корня, хотя некорневые функции для них тоже возможны. Иначе говоря, знаменательные морфемы обладают полным набором внутрисловных функций, тогда как морфемы служебные могут выступать только в некорневых функциях. Что же касается субморфов, то уже в силу своей асемантичности они не могут выступать в функции корня. В силу этой же причины субморфом не может манифестироваться деривационный формант, если исходить из того, что последний в значительной мере определяет семантику словообразовательной модели. Однако другие некорневые функции для субморфов вполне возможны. Так, слог-редупликатор, присоединяемый к исходному слогу во вьетнамских неполных повторах (*nho*⁴ «маленький» → *nho*⁴ *nhât*⁶ «карликовый»), с функциональной точки зрения должен быть охарактеризован как словообразовательный субморф. В Южном диалекте субморф *ca*² выступает как «эквивалент» словоизменительного удвоения: *gât*⁶ «кивать» → *gât*⁶ *gât*⁶ «кивать-кивать» = *ca*² *gât*⁶ (Южн. диал., перевод тот же) [2].

Составной частью грамматической теории слова является синхронное словообразование, задача которого — выявление действующих в языке словообразовательных моделей, что предполагает анализ связей между словами, в частности — между словами производными и связанными с ними отношением формально-семантической мотивации производящими. Сопоставление с производящим, мотивирующим словом является основанием для деления производного слова на непосредственно составляющие. Понятно, что при этом могут оказаться учтенными не все морфемы в слове. Например, в слове *утешительный* выделяется морфема *-тель* и при морфемном, и при словообразовательном (по сопоставлению с *утешитель*) анализе, а в слове *употребительный* — только при анализе морфемном [3].

Итак, выделение минимальных значимых единиц языка, характеристика компонентов слова по их функции в составе слова, установление действующих словообразовательных моделей — таково разграничение сфер влияния морфемики, грамматической теории слова, синхронного словообразования. При таком разграничении снимается критикуемое Н. Д. Арутюновой противоречие, когда целостность элементарной значимой единицы определяется нечленимостью ее означающего, а отождествление единиц производится в функциональном плане, независимо от различий означающих, т. е. «в одном случае пользуются критерием плана выражения, а в другом случае признают приоритет плана содержания, причем соотношение столь разных принципов специально не обосновывается» [4].

В соответствии с положениями данной статьи в примере *добежать до леса* имеется одна и та же свободная морфема *до* как в составе глагола, так и в предлоге. Таков ее статус в морфемике. Однако при функциональном подходе мы имеем дело с корневой морфемой *до*, образующей самостоятельное слово — предлог, и с некорневой (словообразовательной) морфемой *до* в составе глагола [ср. 5]. Возможно и противоположное, когда функционально идентичные элементы манифестируются различными морфемами, как например, словообразовательные суффиксы *-тель* (*учитель*) и *-щик* (*гардеробщик*). Функциональная единица вовсе не обязательно должна быть представлена одной морфемой, она может быть выражена и несколькими единицами морфемного уровня; вот пример сложного аффикса: (*не-до*)*работать* [6]. Функциональный элемент может манифестироваться субморфом: таковы русские соединительные гласные — элементы, лишенные значения, но обладающие определенной словообразовательной функцией. Последнюю иногда предлагают включать в определение морфемы наряду с семантическим признаком [7, 8]. С учетом принятых в данной статье положений такой подход представляется нежелательным, так как означает привнесение функциональных критериев теории слова в собственно морфемiku, открывая тем самым возможность для дальнейших осложнений морфемной семантики различными признаками несемантического характера. Неосторожный шаг на таком пути чреват низвержением в слогоморфемный омут — лингвистическую черную дыру, откуда уже нет спасения и нет возврата (см. ниже, разд. IV).

В связи с изложенным представляется нецелесообразным подчинять морфемный анализ словообразовательному, как это иногда предлагают [см., например, 9]. При критике такого подхода справедливо подчеркивается, что по сути дела он означает возврат к былому неразграничению словообразования и морфемики [10]. Тем более недопустимо смешение морфемики с теорией частей речи. По частям речи распределяются не морфемы, а слова, так что вместо термина «части речи» иногда даже употребляют более корректный с точки зрения современной лингвистики термин «классы слов», как это сделано, в частности, в «Грамматике вьетнамского языка» [11, с. 81]. Из этого, однако, следует, что подразделение морфем на знаменательные и служебные, осуществляемое в терминах частей речи [11, с. 9—10], есть в действительности подразделение с л о в и как классификация, затрагивающая иной языковой уровень, не имеет отношения к собственно морфемике.

II. Морфемный анализ

Первый вопрос, который возникает в связи с процедурой морфемного анализа, состоит в следующем: если несколько последовательностей (в частности, слов) имеют нечто общее в своей семантике и к тому же содержат общий формальный сегмент, то всегда ли можно считать, что данный сегмент и является носителем общей семантики? Н. А. Янко-Триницкая пишет, что при положительном ответе на этот вопрос пришлось бы приписать значение «домашнее животное» отрезку *ко-* в словах *корова*, *коза*, *конь*, *кобыла*, *кот* (12). Подобные курьезные решения известны и на вьетнамском материале. Так, к примеру, Хо Ле критикует анализ

Л. Томпсона, который на основании сопоставления слов *đâu¹* где, *đây¹* здесь, *đây⁵* там выделяет морфему *đ* со значением места. Хо Ле замечает, что при таком подходе толкования значений становятся совершенно произвольными и ничто не мешает приписать согласному *đ* значение физического воздействия (*đập⁶* ударять, *đanh⁵* бить, *đâm⁵* бить кулаком, *đâm¹* протыкать) или значение действия ногами (*đi¹* идти, *đu'ng⁵* стоять, *đap⁶* топтать, *đá⁵* бить ногой) [13, с. 13].

Подход авторов «Грамматики вьетнамского языка» к морфемному анализу отличается от позиции Л. Томпсона только тем, что для морфемного анализа не привлекаются однослоги. В остальном авторы «Грамматики...» действуют «по Л. Томпсону»: сравнивая, например, последовательности *giao⁵ viê'n¹* «учитель», *giao⁵ su¹* «профессор», *giao⁵ sinh¹* «студент педвуза», *giao⁵ duc⁶* «просвещение», они выделяют морфему *giao⁵* «обучать» [11, с. 3, 4]². Авторы уточняют, что для выделения морфем из двусложных сочетаний достаточно сравнения трех сочетаний, содержащих один общий слог и объединенных некоторой общностью значения [11 с. 4]. В таком случае ничто не мешает, сравнивая последовательности *đai⁶ ta⁵* «полковник», *đai⁶ tu'o' ng⁵* «генерал», *đai⁶ suy⁵* «главнокомандующий», приписать слогу *đai⁶* «большой» значение «военный». На основании сопоставления *tiêu⁴ chu⁵* «примечание», *tiêu⁴ tu⁶* «предисловие», *tiêu⁴ dân³* «введение», можно приписать слогу *tiêu⁴* «маленький» значение «письменная заметка». Если снизить до двух в общем-то вполне произвольное требование сравнения трех сочетаний, то сопоставив последовательности *mặt⁶ trăng¹* «луна» и *mặt⁶ trời¹* «солнце», можно приписать слогу *mặt⁶* «лицо, поверхность» значение «небесное тело». Ясно, что процедура морфемного анализа должна быть более строгой, исключающей возможность необоснованных решений.

Для членения вьетнамского текста на морфемы целесообразно воспользоваться понятием фразового слова. Стоящий за этим понятием технический прием позволяет привести текст к виду, удобному для морфемного анализа. Фразовое слово — это отрезок текста, способный употребляться как самостоятельное высказывание (законченное или неполное) и не делимый без остатка на другие отрезки, обладающие таким же свойством [14, с. 14]. Рассмотрим пример: *Tro'i² vân³ cu⁵ tu'a¹. U'o'i⁵. Doi⁵. Moi⁴. Buôn² ngu⁴. (Nguyễn Huy¹ Tu' o' ng⁴)* «А дождь все льет и льет. Сыро. Голодно. Тяжко. В сон клонит». В первом предложении можно выделить следующие фразовые слова: *tro'i²* «небо», *tu'a¹* «дождь», *cu⁵ tu'a¹* «все идет дождь». Отрезки *tro'i² tu'a¹* «идет дождь», *vân³ tu'a¹* «по-прежнему идет дождь» фразовыми словами не являются, так как каждый из них делится без остатка на два фразовых слова. Каждое из остальных высказываний в нашем примере представлено одним фразовым словом.

Применительно к вьетнамскому языку как языку слоговому можно сформулировать положение: всякий однослог, способный быть фразовым словом, есть морфема, например: *tro'i²* «небо», *tu'a¹* «дождь», *vân³* «по-прежнему», *u'o'i⁵* «сыро». Таким способом может быть выделено подавляющее большинство свободных морфем, которые в дальнейшем выделяются уже автоматически, чем обеспечивается морфемный анализ слов и устойчивых сочетаний, составленных из свободных морфем, даже при идиоматичности значения целого: *chăn¹ nuôi¹* «животноводство» («заботиться» + «растить») *to¹ gan¹* «храбрый» («большой» + «печень»), *sắt⁵ đá⁵* «прочный» («железо» + «камень»). Вообще же класс свободных морфем будет у нас несколько шире по сравнению с традиционным подходом, поскольку в него, в соответствии с изложенным выше определением свободной морфемы, войдут и те морфемы, для которых статус свободных является в настоящее время скорее тенденцией, чем в полной мере реализовавшимся фактом: *thâm¹* «зловредный», *bac⁶* «неблагодарный», *khinh¹* «презирать» [15]. Перечисленные свободные морфемы, видимо, возникли в результате сокращения слов *thâm¹ độc⁶* «зловредный», *bac⁶ nghĩa³* «неблагодарный», *khinh¹ bi⁴* «презирать», и такое положение вещей облегчает морфемный

² Авторы употребляют термин «слогоморфема». Сейчас этот терминологический нюанс для нас несуществен. Термин «слогоморфема» и связанная с ним концепция будут подробно рассмотрены ниже (см. разд. IV).

анализ соответствующих двуслогов: зная точно значение одного из слогов, можно попытаться вычесть это значение из значения целого и получить в результате значение другого слога. Это подводит нас к важному вопросу морфемного анализа — о возможностях и границах семантического вычитания.

Допустим, нам необходимо провести морфемный анализ вьетнамского слова *sai⁴ cach⁵* «реформа», причем известно, что первый слог имеет значение «изменять». Если из значения «реформа» вычесть значение «изменять», то искомое значение второго слога можно было бы представить как «существующее положение вещей», однако такое толкование не подтверждается другими вхождениями слога *cach⁵*, где оно оказывается не в состоянии обеспечить убедительный морфемный анализ. Это вполне понятно, потому что значение слова, особенно терминологическое, может очень далеко отходить от его внутренней формы. Таким образом, семантическое вычитание применимо только к последовательностям, лишенным идиоматичности, а полученное с помощью этой процедуры значение только тогда может претендовать на достоверность, когда оно подтверждается проверкой соответствующей морфемы в ряде других окружений. Например, зная значение морфемы *ac⁵* «злой, жестокий, скверный...», можно произвести семантическое вычитание в словах *ac⁵ nhân¹* «жестокий человек» и *ac⁵ móng⁶* «дурной сон, кошмар», в результате чего выделяются связанные морфемы *nhân¹* «человек» и *móng⁶* «сон». Первая из них подтверждается такими вхождениями, как *nhân¹ loại⁶* «человечество», *nhân¹ chung⁴* «раса», *nhân¹ dân¹* «народ» и т. д., вторая — вхождениями *móng⁶ mi⁶* «сновидение», *móng⁶ triêu⁶* «грезы», *móng⁶ ao⁴* «иллюзия» и т. д.

Итак, членимость последовательности в значительной мере зависит от того, можно ли выделить в ней такую часть, которая с тем же самым значением повторялась бы в других окружениях [16]. Из этого следует, что семантическое вычитание в принципе неприменимо к так называемым уникальным сегментам [17], уникальность которых в том и состоит, что они встречаются в единственном окружении, в сочетании с единственной морфемой. Показательно, что некоторые авторы, допускающие семантическое вычитание применительно к уникальным сегментам, сопровождают свой подход такими оговорками об условности этой процедуры, из которых явствует, что полученное таким способом значение фактически не соответствует никакой языковой реальности [см., например, 18]. Уникальные сегменты обладают формальной выделяемостью только на фоне стопроцентных морфем, но формальная выделяемость неравнозначна выделяемости формально-семантической, и бесполезно пытаться с помощью какой бы то ни было процедуры приписать уникальным сегментам заведомо отсутствующее значение [19]. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу в связи с анализом некоторых вьетнамских примеров (см. разд. IV).

Средством морфемного анализа многосложных фразовых слов является формально-семантический квадрат (квадрат Гринберга), который схематически можно представить в виде:

AC BC
AD BD

Квадрат ясно демонстрирует формальную выделяемость отрезков, имеющих на схеме буквенное обозначение, так что для утверждения морфемного статуса этих отрезков остается только проследить, чтобы членимость формальная сопровождалась членимостью семантической. Это означает, что семантический переход от верхней к нижней строке в левом столбце должен быть идентичен переходу в правом столбце:

Рук-а ног-а
Рук-е ног-е

<i>vo¹ ly⁵</i>	«бессмысленный»	<i>vo¹ y⁵</i>	«непреднамеренный»
<i>co⁵ ly⁵</i>	«осмысленный»	<i>co⁵ y⁵</i>	«преднамеренный»
<i>hinh² thanh²</i>	«формироваться»	<i>biên⁵ thanh²</i>	«видоизменяться»
<i>hinh² thai⁵</i>	«форма»	<i>biên⁵ thai⁵</i>	«видоизменение»

В квадрате может быть представлен и нулевой сегмент:

<i>han</i> ⁶	«засуха»	<i>lut</i> ⁶	«наводнение»
<i>đai</i> ⁶ <i>han</i> ⁶	«большая засуха»	<i>đai</i> ⁶ <i>lut</i> ⁶	«большое наводнение»

При нарушении одного из требований к квадрату мы получаем либо чисто семантический, либо чисто формальный квадрат, ни один из которых не обеспечивает морфемного анализа сравниваемых отрезков. Пример чисто семантического квадрата:

<i>chua</i> ²	«пагода»	<i>vu</i> ⁰ <i>o</i> ¹ <i>n</i> ²	«сад»
<i>chua</i> ² <i>chiên</i> ²	«пагоды»	<i>vu</i> ⁰ <i>o</i> ¹ <i>n</i> ² <i>tu</i> ⁰ <i>o</i> ¹ <i>c</i> ⁶	«сады»

С. Е. Яхонтов приводит следующий пример чисто формального квадрата:

при-ход	вос-ход
при-ток	вос-ток

В современном значении слова *восток* нельзя усмотреть семантической связи с остальными тремя словами и в настоящее время основа этого слова морфологически нечленима [14, с. 15]. Чисто формальным следует признать и такой квадрат:

<i>nông</i> ¹ <i>nghiêp</i> ⁶	«сельское хозяйство»	<i>thu</i> ¹ <i>c</i> ⁶ <i>nghiêp</i> ⁶	«хозяйство»
<i>nông</i> <i>phâm</i> ⁴	«сельскохозяйственный продукт»	<i>thu</i> ¹ <i>c</i> ⁶ <i>phâm</i> ⁴	«продукт питания»

Этот квадрат был бы правильным, если бы слово *thu*¹ *c*⁶ *nghiêp*⁶ имело значение «пищевая промышленность», что можно истолковать как «хозяйство (по производству) пищи». Как видим, при составлении квадрата иногда приходится давать толкования некоторым понятиям. Например, приводимый ниже квадрат можно признать правильным только при условии, что понятие «автономия» может быть истолковано как «суверенное правление»:

<i>đân</i> ¹ <i>chu</i> ⁴	«демократия»	<i>tu</i> ¹ <i>c</i> ⁶ <i>chu</i> ⁴	«суверенитет»
<i>đân</i> ¹ <i>tri</i> ⁶	«демократическое правление»	<i>tu</i> ¹ <i>c</i> ⁶ <i>tri</i> ⁶	«автономия»

Метод квадрата целесообразно использовать в наиболее трудных случаях, когда выделение морфем не очевидно, например, при анализе слов и устойчивых сочетаний, состоящих из связанных морфем.

III. Асиллабические морфемы

Существуют ли во вьетнамском языке асиллабические морфемы, т. е. морфемы с означаемым меньше слога? Для ответа на этот вопрос следует прежде всего принять во внимание объективную членимость вьетнамского слога на две составляющих: инициаль (начальнослоговой согласный) и остальную часть — финаль. Объективность этого членения подтверждается участием вьетнамских слогов в образовании рифмы: если *đinh*² рифмуется с *mính*², *hính*² и т. д., значит инициали при этом в расчет не принимаются. В рифме участвует только финаль, которая по этой причине имеет традиционное вьетнамское наименование *vân*² «рифма». Между инициалью и финалью может в некоторых типах слогов находиться медиаль — промежуточный гласный /u/, участие которого в образовании рифмы неопределенное: иногда он отходит к инициали, иногда — к финали.

Другое явление, подтверждающее объективную членимость слога на инициаль и финаль, — мена внутрислоговых компонентов двусложного сочетания, часто используемая для создания разного рода каламбуров. Вот основные разновидности этого приема ³:

- 1) сохраняются инициали, но переставляются финали вместе с их тонами: *suc*⁶ *đât*⁵ «ном земли» → *cât*⁵ *đuc*⁶ «убрать долото»;
- 2) сохраняются инициали и тоны, но переставляются финали: *con*¹ *ngu*¹ *a*⁶ «лошадь» → *cu*¹ *a*¹ *ngon*⁶ «пилить вершину»;
- 3) переставляются только инициали: *côi*⁵ *đá*⁵ «каменная ступка» → *đôi*⁵ *ca*⁵ «пара рыб».

³ Приводимые ниже модели и примеры — из [20].

Рассмотрим теперь с позиций морфемики некоторые разновидности инициальных повторов, т. е. таких повторов, когда к исходному слогу добавляется другой, сохраняющий ту же инициаль, но с иной финалью, например: *sach⁵* «книга» → *sach⁵ siêc⁵* «книжонки»; *mô¹* «буторок» → *mâp⁵ mô¹* «бугристый»; *ngay¹* «честный» → *ngay¹ ngă⁵* «безупречно честный».

Неполные повторы с финалью *iêc⁵* (*iêc⁶*) хорошо известны и описываются во многих исследованиях по вьетнамскому языку. Они регулярны и распространяются на самые разные классы слов; существительные при этом приобретают значение уничижительной множественности, для предикативов значение уничижительности является как будто единственным семантическим осложнением, создаваемым данным типом повтора: *Ô¹ tô¹ ô¹ tiêc⁵ lam² gi² cho¹ rây² ra²!* (*Nguyen³ Công¹ Hoan¹*) «И на кой они нужны, всякие автомобилишки!»; *Con² Bân¹, hă⁵ không¹ nghe¹ hat⁵ hiêc⁵ gi² ca⁴* (*Thach⁶ Lam¹*) «Бэн, он-то не слушал никаких распеваний»; *Mât⁶ thây² mô¹ sao¹ ma² go¹ m⁵ ghiêc⁵ dên⁵ thê⁵?* (*Hoang² Binh² Trong⁶*) «Отчего же физиономия колдуна такая страшная?»

Если попытаться построить применительно к рассматриваемым повторам формально-семантический квадрат, то он мог бы иметь следующий вид:

<i>sach⁵</i>	«книга»	<i>cho⁵</i>	«собака»
<i>sach⁵ siêc⁵</i>	«книжонки»	<i>cho⁵ chiêc⁵</i>	«собачонки»

Семантически такой квадрат безупречен, формально же дефектен: если в нижней строке провести границу после первого слога, то сегмент *siêc⁵* не тождествен сегменту *chiêc⁵*; если провести границу перед финалью *iêc⁵*, то сегменты *sach⁵* и *cho⁵* утрачивают каждый свое тождество при переходе от верхней строки к нижней. Можно, однако, принять второй подход, учитывая, что в данном случае нарушение тождества сегмента предсказуемо и подчиняется вполне определенному правилу. Тогда дефектный квадрат можно определить как такой квадрат, в котором имеет место предсказуемое и регулярное формальное осложнение одного из сегментов, что схематически можно представить следующим образом:

AC	BC
A'D	B'D

Членимость, обеспечиваемую таким квадратом, можно условиться называть дефектной; так дефектной членимостью обладает двусложное слово *sach⁵ siêc⁵* «книжонки», в котором выделяется корень *sach⁵ s...* и афф. *-iêc⁵*.

Помимо регулярных повторов с финалью *iêc⁵* (*iêc⁶*) существуют многочисленные неполные повторы с другими финалями, не отличающиеся регулярностью и фиксируемые по этой причине в словарях. Повторы в таких случаях, как правило, разъясняются с помощью бесперспективных отсылок к исходным словам, что оставляет открытым вопрос о различии между исходным словом и повтором, создавая почти непреодолимые трудности для обучающихся вьетнамскому языку. В последнее время были предприняты успешные попытки семантического анализа некоторых разновидностей инициальных повторов. Их интерпретация как дефектно членимых дает основания для выделения соответствующих асплабических морфем. Таковы, в частности, морфемы *âp⁵* (*âp⁶*) и *ăn⁶*.

В неполных повторах с финалью *âp⁵* (*âp⁶*) слог-повтор помещается перед исходным: *mô¹* «тускнеть» → *mâp⁶ mô¹* «смутный». Основываясь на анализе семидесяти примеров из словаря Ван Тэна, Нгуен Дык Зыонг дает следующую семантическую формулу рассматриваемых повторов: «× многократно то появляется, то исчезает, например, *mâp⁵ mô¹* «тускнеет — проясняется — опять тускнеет — опять проясняется...» [21, с. 32]. Еще примеры: *bung²* «подниматься» (*lu'a⁴ bung² lên¹* «огонь поднимается») → *bâp⁶ bung²* «то поднимается, то падает...»; *lô⁵* «показаться» (*mât⁶, trâng¹ lô⁵ ra¹ khoi⁴ đat⁵ mây¹* «луна показалась из-за туч») → *lâp⁵ lô⁵* «то показывается, то скрывается...»; *mô¹* «буторок» → *mâp⁵ mô¹* «то буторок, то ровное место, то снова буторок...» (*con¹ đu'o'ng² mâp⁵ môt¹ kho⁵ đĩ¹* «бугристая, трудная для ходьбы дорога»).

Дальнейшее исследование рассматриваемых повторов содержится в статье Фи Туэт Хиня [22], где, в частности, оговариваются случаи, не относящиеся к данному явлению. Таковы повторы, в которых исходным является первый слог (*vâp⁵ var⁵* «запинаться», *gâp⁵ gap⁵* «срочный», *mâp⁶ mâr⁶* «тучный»), слова, в которых оба слога значимы (*âp⁵ u⁴* «лелеять», *nâp⁵ pau⁵* «прятать», *lâp⁵ lu⁵* «забывать») и некоторые сомнительные случаи, когда слово в целом подходит под семантическую формулу неполных повторов с *âp⁵* (*âp⁶*), но вторые слоги при этом лишены значения: *thâp⁵ thom⁴* «пребывать в беспокойстве»; *châp⁵ cho⁵i⁵* «светлеть и тускнеть» [22, с. 48].

Неполные повторы с финалью *ăn⁵* (*ăn⁶*) имеют, согласно Нуен Дык Зыонгу, значение субъективной оценки: «безупречно такой-то». Например: *ngay¹* «честный» → *ngay¹ ngăn⁵* «безупречно честный»; *thăng⁴* «прямой» → *thăng⁴ thăn⁵* «безупречно прямой»; *tron²* «круглый» → *tron² trăn⁶* «идеально круглый» [21, с. 33].

Не исключено, что дальнейшее исследование неполных повторов поведет к расширению списка асиллабических морфем.

IV. Слогоморфема

Авторы «Грамматики вьетнамского языка» придерживаются мнения, что во вьетнамском языке каждый слог есть морфема; термин «слогоморфема» как раз и призван обозначить это регулярное, не знающее исключений совпадение слога и морфемы. Казалось бы, при таком подходе единственной процедурой морфемного анализа должно быть установление слоговых границ, поскольку «процесс разделения потока речи на слоги автоматически приводит и к разделению на морфемы» [11, с. 11]. Однако выдержать эту установку в практике морфемного анализа авторам не удается. Как уже отмечалось выше, для выявления слогоморфем «Грамматика вьетнамского языка» прибегает к сравнению ряда сочетаний, содержащих общий элемент. При этом оговаривается, что «чем сложнее структура сочетания, тем больше ступеней анализа необходимо для выделения слогоморфем» [11, с. 4]. Назначение «ступеней анализа», очевидно, в том, чтобы установить семантическое тождество слога, общего для сравниваемых сочетаний. Выходит, таким образом, что само по себе разбиение текста на слоги приводит к выделению таких сущностей, морфемный статус которых еще подлежит дальнейшему исследованию.

Если парадоксальный тезис о регулярном совпадении слога и морфемы оказывается несостоятельным практически, то как вообще он мог возникнуть и оправдано ли его существование с чисто теоретических позиций? Авторы «Грамматики...» исходят из того, что вьетнамские слоги могут быть значимыми и незначимыми, причем последние «ведут себя как единицы, обладающие значением, — могут участвовать в тех же конструкциях, что и значимые слоги». Это свойство вьетнамского слога авторы называют «структурным значением» [11, с. 3]. Поскольку по структурному значению незначимые слоги идентичны значимым, семантическая неполноценность уже не рассматривается как препятствие для их идентификации в качестве морфем. Не подлежит, однако, сомнению, что способность участвовать в таком-то типе конструкций есть **формальный признак**. Назвав его «структурным значением» и употребляя этот термин при определении морфемы в одной плоскости с термином «лексическое значение», авторы придали тем самым термину «значение» нежелательный синкретизм, сам по себе вполне достаточный для парадоксальных заключений.

Синкретизм термина «значение» — серьезный недостаток слогоморфемной концепции, который уже был объектом критики в специальной литературе [см. например, 13, с. 12, 15; 23], но это не единственный недостаток. Другой — нетождественность термина самому себе в процессе рассуждения. Гипноз слова «значение», даже с определением «структурное», даже с подкрепленным примерами разъяснением, что речь идет фактически о формальном признаке, столь велик, что двумя разновидностями «структурного значения» оказываются значение «отрицательное» и значение «по-

тенциальное» — сущности, по определению авторов, чисто семантические [11, с. 4, 5]. Их наличие в концепции, ориентирующейся на определение морфемы, в котором семантические признаки перекрываются формальными и делаются ненужными, выглядит достаточно противоречиво, однако понятия отрицательного и потенциального значения небезупречны сами по себе, безотносительно к общему контексту слогоморфемной концепции. Рассмотрим их подробнее.

Судя по примерам, понятие отрицательного значения авторы склонны прилагать к уникальным сегментам неполных повторов. Так, от слова $d\acute{e}^3$ «легкий» может быть образован неполный инициальный повтор $d\acute{e}^3 dang^2$ с тем же или с близким к исходному значением. Составляющая $dang^2$ есть сегмент с уникальной сочетаемостью, и авторы «Грамматики...» совершенно правы, утверждая, что эта составляющая «участвует в создании нового лексического значения, не являясь в то же время сама по себе значимой» [11, с. 4]. Тем не менее заведомо отсутствующее значение этой составляющей авторы рекомендуют получить с помощью процедуры семантического вычитания. На практике это оказалось опять-таки неосуществимым, и дело здесь вовсе не в трудноуловимости семантических различий между исходным словом и его неполным повтором, как полагают авторы. Вьетнамский лингвист Дао Тхан описывает значение слова $d\acute{e}^3 dang^2$ как «легкий в отношении условий, обстановки» [24], однако соответствует ли языковой реальности приписывание слогу $dang^2$ значения «условия, обстановка»? Еще пример Дао Тхана — ряд неполных повторов слова nho^4 «маленький»: $nho^4 nh\ddot{a}n^5$ «маленький ростом»; $nho^4 nh\ddot{a}t^6$ «карликовый»; $nho^4 nhen^1$ «мелочный» [24]. Пользуясь процедурой семантического вычитания, вторым (уникальным) сегментам этих слов следовало бы приписать соответственно значения: «рост», «слишком + некрасивый», «душевные качества». Безотносительно к тому, соглашаться или не соглашаться с семантическими толкованиями Дао Тхана, возражение всегда будет вызывать приписывание какого бы то ни было значения тем компонентам, которые «сами по себе» его лишены.

Понятием «потенциальное значение» авторы «Грамматики...» пользуются при анализе многосложных транскрипций типа $ra^1-\acute{d}i^1-\acute{o}^1$ «радио», $p\acute{e}^1-ni^1-xi^1-lin^1$ «пенициллин». Входящие в их состав слоги не только незначимы, но даже лишены того минимума формальных признаков («структурного значения»), который объединял бы их со слогами значимыми [11, с. 5]. Тем не менее и такие слоги объявляются морфемами. Здесь слогоморфемная концепция в дополнение к первоначальному определению слогоморфемы, в котором семантические признаки были перекрыты формальными, выдвигает новый подход, на сей раз перекрывая формальные признаки «потенциальной» семантикой. Дело в том, что в истории вьетнамского языка засвидетельствованы случаи, когда многосложные транскрипции сокращались до одного слога, который и становился носителем значения первоначального сочетания: $Anh^1-cat^5-lo^1i^6 \rightarrow Anh^1$ «Англия». Вот эту способность незначимого слога становиться значимым авторы «Грамматики...» и называют потенциальным значением. Ясно, что это совсем не та потенциальность, которая часто фигурирует в грамматических исследованиях и предполагает возможность экспериментальной проверки: даже если принять совершенно фантастическое допущение, что со временем все без исключения многосложные транскрипции сократятся до одного слога, все равно невозможно заранее предсказать, до какого именно однослога каждая из них будет сокращаться. Иными словами, потенциальное значение — это значение, которого нет, но которое может возникнуть, если произойдет сокращение транскрипции. Основанная на этом понятии позиция авторов «Грамматики...» по сути дела состоит в том, что незначимые слоги транскрипций объявляются морфемами на том основании, что в будущем они, возможно, таковыми станут.

Последний вопрос — действительно ли незначимые слоги «регулярно допускают те же изменения, что и сочетания, каждый из элементов которых имеет лексическое значение» [11, с. 4]? Мы только что видели, что, по мнению самих авторов «Грамматики...», слоги многосложных транскрипций

выбиваются из этой регулярности. По-видимому, дело не ограничивается многосложными транскрипциями. Ведь незначимые слоги существуют только в составе слов, а «способность вьетнамских слов к изменению структуры не носит закономерного характера, присуща лишь определенным структурным типам и охватывает незначительную часть слов» [11, с. 24], поэтому, хотя незначимые слоги и могут иногда оказаться в таком же формальном окружении, что и значимые, ни о какой регулярности здесь говорить не приходится. Авторы сопоставляют видоизменения слов *ca²-phê¹* «кофе» (оба слога незначимые) и *anh¹ em¹* «братья» (*anh¹* старший брат; *em¹* «младший брат»): *ca²-ca²-phê¹-phê¹ gi²!* «Тоже мне кофе!»; *anh¹ anh¹ em¹ em¹ gi²!* «Какие там братья!» [11, с. 4). Но последовательность *anh¹ em¹* «братья» может участвовать в конструкциях: *anh¹ va² em¹* «старший брат и младший»; *anh¹ vo¹ i⁵ em¹* «старший брат с младшим»; *ca⁴ anh¹ ca⁴ em¹* «и старший брат, и младший»; *anh¹, nhu'ng¹ không¹ phai⁴ em¹* «старший брат, но не младший» и т. д. Ни одна из этих конструкций, конечно, невозможна для последовательности *ca²-phê¹* «кофе». Аналогично будет обстоять дело и в другом примере авторов — при сопоставлении последовательностей *đung⁴ đinh⁴* «качаться» (оба слога незначимые) и *cu'o'i² dua²* «шутить и смеяться» (*cu'o'i²* «смеяться»; *dua²* «шутить»). Таким образом, даже в чисто формальном плане ставить знак равенства между значимыми и незначимыми слогами, подводя их под общий знаменатель «структурного значения», — слишком явное насилие над языковым материалом.

Как видим, слогоморфемная концепция по многим пунктам весьма уязвима для критики. К сказанному выше можно было бы добавить, что если рассматривать не термины как таковые но их фактический, независимый от субъективных устремлений авторов, смысл, то в этом плане слогоморфемная концепция свелась к переименованию некоторых явлений: термину «слог» в ней соответствует термин «слогоморфема», «морфема» именуется «значимой слогоморфемой», тогда как «незначимая слогоморфема» оказалась единицей с неопределенным морфемным статусом (под это понятие подводятся и чуждые морфемике слоги транскрипций, и субморфы — элементы незначимые, но формально выделяемые и занимающие свое место в морфемном анализе). Не говоря о теоретической стороне дела, такое переименование неудобно практически, давая повод к странным формулировкам типа того, что все слоги вьетнамского языка можно считать значимыми, в том числе и незначимые [11, с. 5]. С учетом вышеизложенного самым благоразумным было бы, конечно, от рассмотренной концепции отказаться. Это позволило бы заодно вернуть на круги своя старые, добрые термины, изрядно помятые в слогоморфемном чистилище, и продолжать называть вещи привычными именами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hoang² Phê¹, Hoang² Vãn¹ Hanh², Dao⁴ Than⁴. Sô⁴ tay¹ dung² tu¹?*. Hà Nội⁶, 1980, tr. 44.
2. *Hai⁴ Dân¹. Yêu⁵ tô⁵ «ca²» trong¹ phu'o'ng¹ ngu'³ Nam¹ Bô⁶.*— *Ngôn¹ ngu'³ phu'⁸ tru'o'ng¹*, 1982, № 1, tr. 17—18.
3. Милославский И. Г. Сложение семантических элементов различных типов в структуре русского слова.— ВЯ, 1979, № 6, с. 80.
4. Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка.— В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 64.
5. Кубрякова Е. С. Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка.— ВЯ, 1964, № 1, с. 96.
6. Пастушенков Г. А. Так называемые «сложные» суффиксы в современном русском языке.— ФН, 1974, № 1, с. 56.
7. Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема».— Уч. зап. ЛГУ, 1961, № 301, сер. филол., вып. 60, с. 142.
8. Маслов Ю. С. Основные направления структурализма.— В кн.: Вопросы общей языкознания. Л., 1967, с. 65.
9. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977, с. 25—27.
10. Герд А. С. О сегментации текста на морфологическом уровне.— В кн.: Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., 1981, с. 68.
11. Быстров И. С., Нгуен Тхай Кан, Станкевич Н. В. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.
12. Янко-Триницкая Н. А. Наложение морфем в основе русского слова.— ИАН СЛЯ, 1970, № 6, с. 484.

13. *Hồ² Lê¹. Văn⁵ đề² câu⁵ tạo⁴ tu^{'2} của⁴ tiếng⁵ Việt⁶ hiện⁶ đại⁶. Hà² Nội⁶, 1976.*
14. *Яхонтов С. Е. Метод исследования и определение исходных понятий.— В кн.: Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.*
15. *Nguyễn³ Thiên⁶ Giáp⁵. Tu^{'2} vùng⁶ tiếng⁵ Việt⁶. Hà²Nội⁶, 1978, tr. 64.*
16. *Кубрякова Е. С. О типах морфологической членимости слов, квази-морфам и маркерах.— ВЯ, 1970, № 2, с. 80.*
17. *Максимов В. И. О соотношении морфологического анализа в современном и этимологическом плане.— ИАН СЛЯ, 1972, № 5, с. 427.*
18. *Улуханов И. С. Компоненты значения членимых слов.— ВЯ, 1974, № 2, с. 72, 76.*
19. *Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова.— ФН, 1971, № 6, с. 50—51.*
20. *Lu^{'3} Huy¹ Nguyễn¹. Nói⁵ lại⁵ trong¹ tiếng⁵ Việt⁶.— Ngôn¹ ngu^{'3}, 1971, № 3, tr. 34—40.*
21. *Nguyễn³ Đu^{'c} Du^{'o}ng¹. Về² các⁵ tô⁴ ho^{'p} song¹ tiê⁵ tiếng⁵ Việt⁶.— Ngôn¹ ngu^{'3}, 1974, № 2.*
22. *Phi¹ Tuyê^t Hinh¹. Thu^{'4} tìm² hiê^u tu^{'2} lay⁵ song¹ tiê⁵ dang⁶ X «ấp» + XV.— Ngôn¹ ngu^{'3}, 1977, № 4.*
23. *Lư^{'u} Van¹ Lăng¹. Cần² phân¹ biê^t hình³ (trong¹ tu^{'2} vùng⁶) vớⁱ tiếng⁵ (trong¹ ngu^{'3} phap⁵).— Ngôn¹ ngu^{'3}, 1980, № 4, tr. 30.*
24. *Đào² Than⁴. Nhu^{'ng} đặc⁶ điêm⁴ của⁴ tu^{'2} lay⁵ tiếng⁵ Việt⁶.— Ngôn¹ ngu^{'3}, 1970, № 1, tr. 63.*